

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУИЦИДАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА

ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья»

Изучены закономерности распределения суицидального поведения в молодежной среде современного мегаполиса во времени: сезонные и суточные колебания, по дням недели, и выделены темпоральные факторы высокого суицидального риска среди молодежи.

Ключевые слова: *суицидальный риск, суицидальная попытка (парасуицид), самоубийство.*

A. P. Gelda

TEMPORAL CHARACTERISTICS OF SUICIDAL ACTIVITY AMONG YOUTH OF A MODERN MEGAPOLIS

The regularities of suicidal behavior's distribution in time among young people of a modern megapolis are studied: oscillations depending on season, day of the week and time of the day; temporal factors of high suicidal risk among youth are determined.

Key words: *suicidal risk, suicide attempt (parasuicide), suicide.*

Исследования в области суицидологии преимущественно концентрируются на изучении социально-демографических, индивидуальных, семейных, медицинских, этнокультуральных и мотивационных аспектов суицидологической проблемы. Во все время темпоральные характеристики суицидального поведения исследованы в значительно меньшей степени [4].

Согласно литературным данным, имеют место вполне определенные закономерности распределения суицидального поведения во времени. Некоторые из этих закономерностей универсальны, как, к примеру, сезонность: весеннее/летний пик и осеннее/зимний спад суицидальной активности [2 – 3, 6] или суточные колебания, которые относительно стабильны во многих странах мира: верхний пик суицидов и суицидальных попыток, приходящийся на вечернее время (20.00-23.00), и явный спад самопокушений в утренние часы (с 6.00 до 8.00) [3-4, 9 – 10]. Вариации суицидальной недельной активности более подвижны. По данным одних авторов, распределение самоубийств по дням недели имеет тенденцию медленного снижения от понедельника к воскресенью [5, 8]. В других же работах указывается, что воскресные дни являются наиболее суицидоопасными [1, 4].

Следует отметить, что в основном темпоральные вариации суицидальной активности изучались на популяционном уровне. Между тем особенности темпоральных характеристик суицидального поведения среди молодежи малоизучены [4].

Цель исследования — изучение основных темпоральных характеристик суицидальных действий в молодежной среде современного мегаполиса.

Материал и методы

Исследование по выявлению закономерностей, связанных с действием темпоральных факторов и периодичностью суицидальной активности в молодежной среде, выполнено по архивному материалу мониторинговой регистрации случаев самоубийств и суицидальных попыток в 2006-2008 гг.

среди жителей г. Минска в возрасте 15-24 лет. Город Минск, как наиболее урбанизированный город Беларуси [7], выбран в качестве модели современного мегаполиса.

Изучались временные параметры суицидальной активности (сезон, месяц, день недели, время суток) в сопоставляемых параллельных группах выборки лиц с завершенным и незавершенным суицидальным действием. Материалы исследования были систематизированы и обработаны в программно-аналитическом комплексе SPSS 15,0 с проверкой нулевой гипотезы о равенстве/различии относительных величин частоты встречаемости признака в независимых выборках в режимах параметрической (t-критерий Стьюдента) и непараметрической (хи-квадрат Пирсона; χ^2) статистики при выбранном двухстороннем 95% уровне значимости.

Выборка исследования составила 99 случаев самоубийств (82 у мужчин и 17 у женщин) и 1136 случаев суицидальных попыток (соответственно по полу, 487 и 649), совершенных 1051 парасуицидентом (443 мужчинами и 608 женщинами). Две и более суицидальные попытки совершили 123 парасуицидента (50 мужчин и 73 женщины).

Средний возраст случая самоубийства составил $20,5 \pm 0,26$ лет (в мужской выборке суицидентов — $20,6 \pm 0,27$ лет и в женской — $20,0 \pm 0,77$ лет; $P > 0,05$), а случая совершения суицидальной попытки — $20,3 \pm 0,08$ лет (в мужской выборке парасуицидентов — $21,1 \pm 0,11$ лет и в женской — $19,8 \pm 0,10$ лет; $P < 0,001$ при $t = 8,745$).

Самоубийства через повешение были совершены в 76/76,8% случаев (в 61/74,4% мужчинами и 15/88,2% женщинами), а суицидальные попытки посредством самоотравления — в 691/60,8% (соответственно, в 212/43,5% и 479/73,8%; $P < 0,001$ и $t = 10,695$). Доля других способов суицидальных актов была менее представительной.

Результаты и обсуждение

Временные вариации суицидальной активности в части случаев изучены в сопоставлении материалов исследования в выборках парасуицидентов и суицидентов.

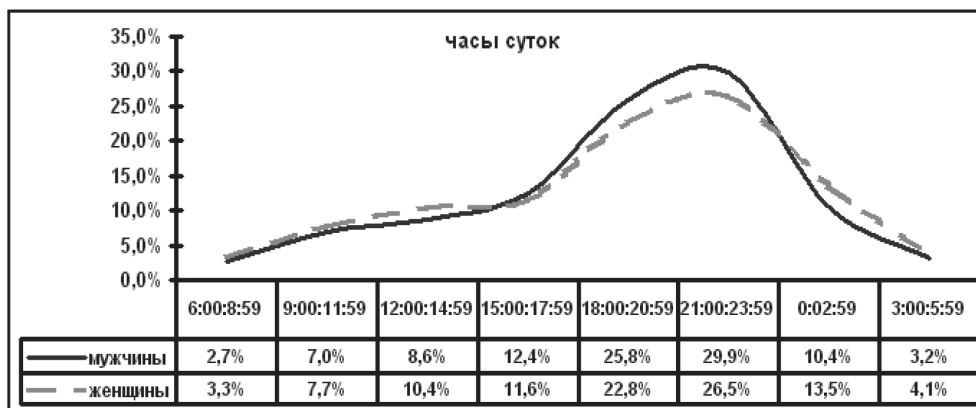
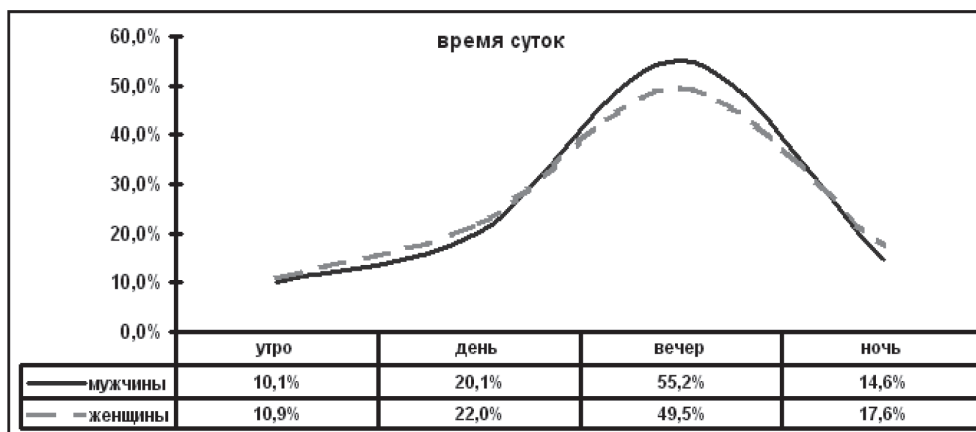

Рисунок 1 Распределение случаев суицидальных попыток в течение суток

времени суток в силу однородности влияния совокупности суицидогенных факторов как в мужской, так и женской молодежных когортах населения г. Минска.

То есть суточное распределение суицидальной активности среди 15-24-летних жителей г. Минска являлось типичной суицидологической суточной характеристикой, тенденциозно свойственной и другим возрастным диапазонам [2, 10]. Пик суицидальной активности приходился на вечернее время суток (55,2% случаев попыток среди мужчин и 49,5% среди женщин), в том числе с его максимумом случаев в 21⁰⁰-23⁵⁹ час. (29,9% и 26,5%), антипик — на утренние часы (10,1% и 10,9%), в том числе с его минимумом случаев в 6⁰⁰-8⁵⁹ час. (2,7% и 3,3%). Суточное распределение случаев суицидальных попыток проходило «плавно» при крайне близких друг другу дифференцированных по времени суток (часам) их частот в мужской и женской выборках парасуицидентов ($P > 0,05$), что обуслав-

Темпоральные характеристики: время суток. Анализ проведен на модели выборки парасуицидентов.

Как следует из материалов исследования (рисунок 1), интенсивность накопления случаев суицидальных попыток плавно нарастала (по параболе 2-го порядка) как в мужской, так и женской выборках парасуицидентов в направлении от утреннего времени суток к вечернему (половина случаев самопокушений: 55,2% среди мужчин и 49,5% среди женщин при пике в 21⁰⁰-23⁵⁹ час., соответственно полу, 29,9% и 26,5%) с последующим же плавным понижением к утру (минимум случаев суицидальных попыток: 10,1% среди мужчин и 10,9% среди женщин с антипиком в 6⁰⁰-8⁵⁹ час. при соответствующих полу 2,7% и 3,3%). Гендерные в соответствующие дифференцированные по времени суток (и часов суток) относительные показатели были крайне близки друг другу по своим величинам ($P > 0,05$), что свидетельствует об универсальности гендерного распределения случаев суицидальных попыток по

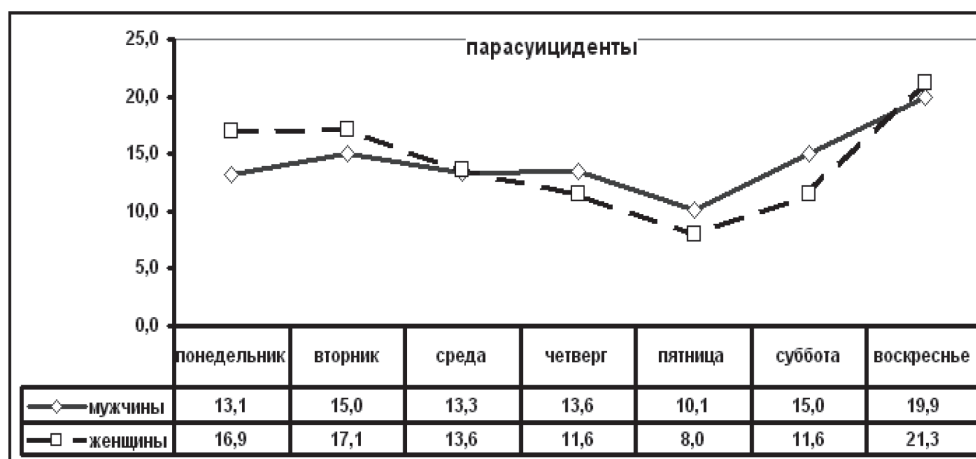
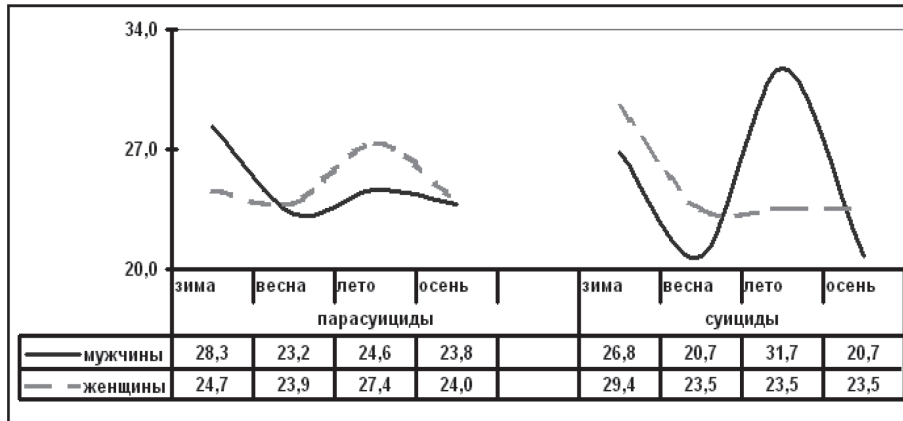
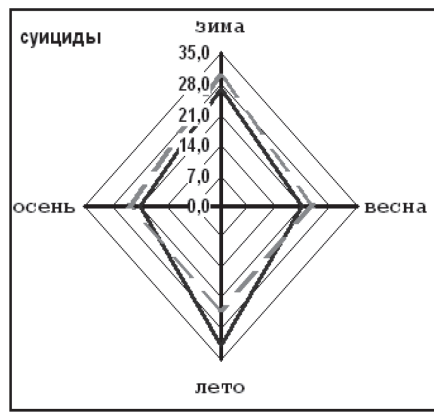
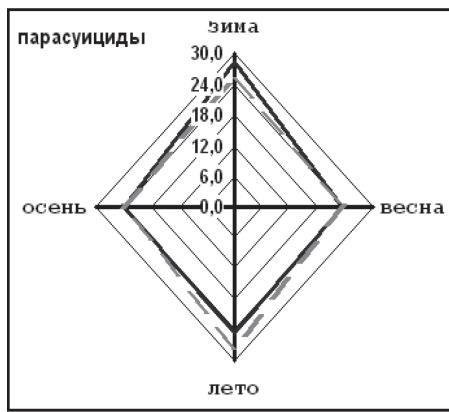

Рисунок 2 Распределение случаев суицидальных действий в течение недели (%)

Рисунок 3 – Сезонность (динамика) распределения случаев суицидальных действий (%)

ливалось гендерной однородностью влияния суицидогенных факторов. Максимум случаев суицидальных попыток вечером объясняется направленностью суицидальных интенций «вовне» для «изменения жизненных ситуаций»: вечер – время, когда интенсивность межличностных внутрисемейных и вне семейных контактов возрастает [2 – 3, 5].

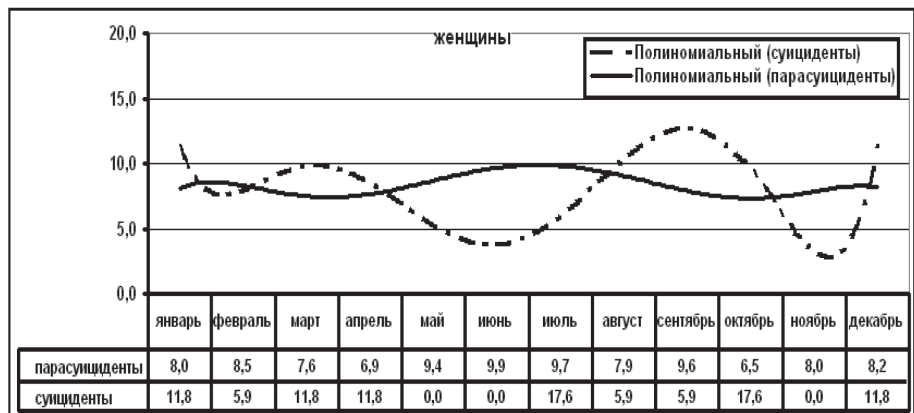
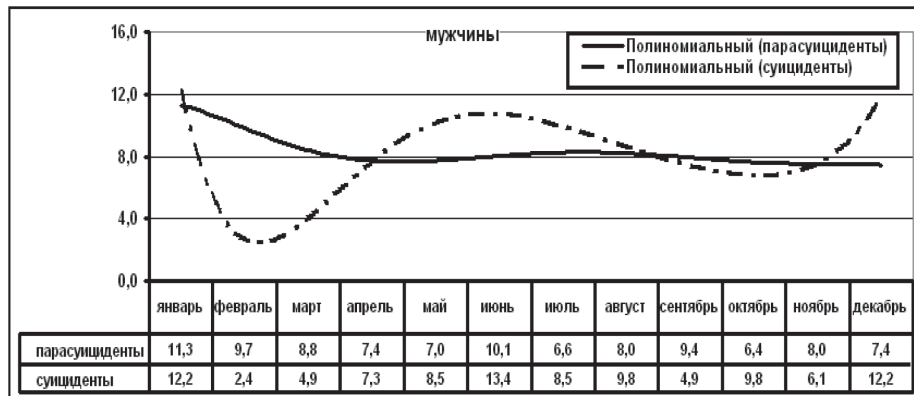
Темпоральные характеристики: день недели. Анализ проведен на модели выборки суицидентов и парасуицидентов.

При усреднении данных за три года, оказалось, что внутри выборки парасуицидентов и суицидентов гендерные по дням недели распределения случаев суицидальных действий значимо не отличались ($P > 0,05$; рисунок 2), а тенденции распределения описывались параболой 3-го порядка с существенным разбросом по дням недели частотных показателей. Как внутри выборки, так и при совокупном межвыборочном сопоставлении гендерных особенностей случаев распределения по дням недели суицидальных актов случайность выявляемого распределительного характера сохранялась ($P > 0,05$). В то же время прослеживаются определенные закономерности, разительно отличающиеся

при сопоставлении выборки парасуицидентов и суицидентов.

Выборка парасуицидентов – однородная направленность распределения случаев суицидальных попыток в мужской и женской когортах: «провал» тенденции при антипике в пятницу (10,1% и 8,0% случаев самопокушений у мужчин и женщин соответственно; рисунок 2), последующий рост накопления массы суицидальных попыток с их пиком в воскресенье (19,9% и 21,3%) и последующее неустойчивое снижение накопления (небольшой пик во вторник) к пятнице.

Выборка суицидентов – отличимые по дням недели тенденции распределения случаев самоубийств в мужской и женской когортах: относительно ровное распределение накопленной массы суицидов в мужской когорте (с некоторым превышением накопления над другими днями недели в понедельник, пятницу и воскресенье – по 15,9% случаев и с понижением накопления в субботу – 11,0%; рисунок 2) и «двугорбость» тенденциозного накопления массы суицидов в женской когорте (пик накопления в понедельник – 23,5% случаев и второй «горб» накопления в четверг, но с меньшей частотностью – 17,6%) на фоне плато (вторник, среда, пятница, суббота – по 11,8%).

Рисунок 4 – Помесячная динамика распределения случаев суицидальных действий (%) и тренд)

То есть распределение случаев суицидальных действий в молодежной среде г. Минска не соответствует социологической концепции Э. Дюргейма [3], согласно которой максимальное количество суицидальных актов приходится на середину недели – будние дни как наиболее напряженные в контексте межличностных и профессиональных контактов, причинами-следствием связанных с формированием суицидоопасных ситуаций. В нашем исследовании пик накопления суицидальных попыток среди мужчин и женщин молодого возраста приходится на воскресный день недели (соответственно, 19,9% и 21,3% случаев) с последующим относительно равным понижением накопления до пятницы (антипик: 10,1% и 8,0% случаев). В то же время имеет место гендерное отличие накопления случаев самоубийств: относительно ровное распределение накопленной массы самоубийственных актов среди мужчин (формализованные пик/антипик – понедельник, пятница, воскресенье/суббота, соответственно, 15,9% к 11,0% случаев) и плато накопления во вторник, среду, пятницу, субботу (минимум случаев самоубийств – по 11,8%) с «двугорбым» накопительным пиком в понедельник (максимум случаев – 23,5%) и четверг (17,6%) среди женщин. Расчеты показывают, что отмеченная тенденция гендерного распределения по дням недели случаев суицидальных действий среди 15-24-летних жителей г. Минска достоверно верифицируется при расширении периода исследования (шаг исследования не меньше 5 лет).

Темпоральные характеристики: сезон и месяц года. Распределение случаев суицидальных действий среди 15-24-летних жителей г. Минска по временам года взаимосвязано с особенностями их помесечного распределения (рисунки 3 – 4).

Сезон года. Для разработки перспективных антисуицидальных мероприятий следует учитывать особенности сезонного распределения случаев суицидальных действий в разных возрастных когортах населения, в том числе дифференцировано среди городского и сельского населения и с учетом вида суицидальных актов. Весенне-летний период года считается наиболее суицидоопасным [2 – 3, 6], но в какой степени этот вывод имеет отношение к 15-24-летней когорте населения г. Минска, категориального ответа не существовала, ибо проблема не изучалась.

В гендерном сопоставлении распределение случаев суицидальных действий по временам года, несмотря на долевы различия показателей, как в выборке парасуицидентов, так и суицидентов формально было равноценным ($P > 0,05$). Основная тенденция, описывающая динамическую изменчивость сезонного фактора риска совершения суицидальных действий, имела криволинейную направленность (полином 2-го порядка; рисунок 3) и характеризовалась случайностью распределения ($\chi^2 = 3,90$; $P = 0,92$ применительно к единой совокупности случаев как в мужской, так и женской выборке парасуицидентов и суицидентов).

Отмечены гендерные циклические особенности распределения случаев как парасуицидов, так и суицидов: «пик-антипик» в мужской выборке парасуицидентов – «зима-весна» при соотношении 28,3%/23,2% случаев (в мужской выборке суицидентов – «лето-весна/осень» при соотношении 31,7%/20,7%) и в женской – «лето-весна» при соотношении 27,4%/23,9% (в женской выборке суицидентов – «зима» и другие времена года при соотношении 29,4%/23,5%).

То есть сезонность распределения случаев суицидальных попыток и случаев самоубийств имела противофазную внутривыборочную гендерную цикличность по кластерам «пик-антипик» ($P > 0,05$). Несмотря на случайность сезонного распределения частоты случаев суицидальных попыток и самоубийств в мужской и женской выборках парасуицидентов и суицидентов ($P > 0,05$), тенденция характеризовалась своеобразно направленностью: максимум суицидальной актив-

ности в мужской выборке парасуицидентов и женской суицидентов зимой (соответственно, 28,3% и 29,4% случаев) с последующим плавным понижением и повышением к осени (антипик среди мужчин-парасуицидентов весной – 23,2% случаев и антипиковый уровень во все остальные времена года среди женщин-суицидентов – по 23,5% случаев) и четко выраженной трендовая синусоидная полнота в женской выборке пара-суицидентов (с антипиком в 23,9% случаев весной и пиком в 27,4% летом) и в мужской выборке суицидентов (соответственно, 20,7% против 31,7%). Такая схожесть сезонной трендовой направленности частотности распределения случаев суицидальных попыток и самоубийств при дифференцированном гендерновидовом сопоставлении суицидальной активности явно не является случайной (достоверна при расширении периода исследования).

Подытоживая вышесказанное, в молодежной среде населения г. Минска среди лиц мужского пола суицидальная готовность к незавершенным суицидальным действиям наиболее высока в зимний сезон года и к завершенным – в летний, а среди лиц женского пола – тенденциозно противоположна, соответственно, в летний и зимний периоды года.

Месяц года. В выборках парасуицидентов и суицидентов, в том числе при анализе по полу, разброс помесечных частот распределения суицидальных действий имел большой амплитудный размах, и динамическая тенденция при учете величины достоверности аппроксимации (коэффициент детерминации $R^2 > 0,5$) описывалась по параболе 6-го порядка ($P > 0,05$ для характеристики случайности явления в генеральной совокупности случаев суицидальных попыток и самоубийств) (рисунок 4). Случайность случаев помесечного распределения суицидальных попыток и самоубийств в популяции 15-24-летних жителей г. Минска, в том числе при дифференцированном гетеро- и гомогенном гендерном сопоставлении ($\chi^2 = 9,71$; $P = 0,56$ применительно к единой совокупности случаев суицидальных попыток и самоубийств и $\chi^2 = 12,43$; $P = 0,33$ применительно к гомогенному сопоставлению случаев суицидальных попыток и самоубийств в мужских исследовательских когортах) исключает биологическую детерминанту помесечных вариаций суицидальных действий в суицидогенезе и свидетельствует в пользу иных детерминант формирования суицидальной активности в молодежной городской среде (их совокупности: социальных, психологических, культуральных и других), в свою очередь опосредующих характеристики помесечной динамики суицидальной активности. Задачей исследования не являлось изучение дифференцированного вклада в помесечную структуру распределения суицидальных действий среди 15-24-летних жителей г. Минска других суицидогенных факторов. Решение этой задачи возможно на большой выборке парасуицидентов и суицидентов (при шаге исследования не менее 15 лет).

Несмотря на случайность изучаемого явления, в гендерном сопоставлении по некоторым месяцам года выявлены верифицированные различия частотности случаев самоубийств (при доле в 0,0% женских суицидов фиксированные случаи в 6,1 – 13,4% в мужской выборке суицидентов в мае, июне и ноябре; $P < 0,05$ – 0,001 при $t = 2,307-3,564$), но не случаев суицидальных попыток ($P > 0,05$).

Также, несмотря на случайность изучаемого явления, все-таки ж прослеживается определенная закономерность динамической изменчивости помесечного фактора риска совершения суицидальных действий. Применив гомогенный по полу стандарт исследования сопоставления случаев суицидальных попыток и самоубийств, высвечивается помесечная противофазность соотношения видов суицидальной активности как в мужских, так и в женских исследовательских когортах, с большей амплитудой цикличности, характерной для мужских когорт (рисунок 4). Так, тренд мужских парасуицидов и суицидов представлен 2 – мая противофазными цик-

в декабре – мае более высокий рост накопления случаев парасуицидов (плюсовая полюсность цикла; среднемесячный показатель в 8,6% случаев) и менее высокий – суицидов (минусовая полюсность цикла; 7,9%), а в последующие месяцы (в июне – ноябре) фиксируется процесс инверсии цикличности: плюсовая полюсность цикла для накопления случаев суицидов (10,0%) и минусовая – для накопления случаев парасуицидов (7,7%). По соответствующим вышесказанным законам трендового роста/снижения помесечного накопления случаев суицидальных действий из них максимум самоубийств приходился на июнь месяц (13,4% доли накопления) и суицидальных попыток – на январь (11,3%), а при сопоставлении с минимумом, соответственно, самоубийств и суицидальных попыток – на февраль (2,4%) и октябрь (6,0%) месяцы.

Характеристики женских трендов парасуицидов и суицидов также указывают на 2-х цикличность процесса, но в противовес мужским трендам со смещением по времени года. «+»/«-» первого помесечного цикла приходится на сентябрь – февраль года (максимум накопления случаев женского суицида и минимум – парасуицида, или среднестатистически 9,8% доли накопления против 7,9%), затем последующая цикловая инверсия процесса в марте-августе с характеристиками максимума накопления случаев женского парасуицида (среднестатистически в 8,6%) и минимума – суицида (7,8%; рисунок 4). В соответствии с женскими трендами роста/снижения помесечного накопления случаев суицидальных действий максимум женских самоубийств зафиксирован в октябре месяце (17,6%, при случайном «выбросе» в 17,6% максимума случаев и в июне) и парасуицидов – в июне (9,9%), а соответствующих случаев минимума накопления – в мае – июне (0,0% случаев женских самоубийств) и в октябре (6,5% доли накопления парасуицидов).

То есть помесечное распределение случаев суицидальных действий в молодежной городской среде биологически не детерминировано, опосредовано влиянием ряда иных суицидогенных факторов и в силу этого носит случайный характер с динамической криволинейной тенденцией по параболе 6-го порядка ($P > 0,05$). В то же время случайность явления не является абсолютной, ибо прослеживаются определенные закономерности помесечных вариаций суицидальных действий. Расчетное прогнозирование модели этих закономерностей не исключает их оценочную достоверность при расширении исследовательского шага до 10 лет и более.

Общим положением выявленных закономерностей помесечного распределения случаев суицидальных действий среди 15-24-летних жителей г. Минска является двух цикличность накопительного процесса со следующими трендовыми характеристиками: в мужских исследовательских когортах в декабре – мае преобладающий долевым рост накопления парасуицидов и в июне – ноябре – суицидов (противофаза процесса в соответствующие месяцы года – менее выраженная прогрессивность долевого накопления суицидов в декабре – мае и парасуицидов июне – ноябре), а в женских со смещением цикличности на три месяца – преобладающий рост накопления суицидов в сентябре – феврале года (противофаза к накоплению парасуицидов) и парасуицидов в марте – августе (противофаза к накоплению суицидов).

Анализ тренда помесечного распределения суицидальных действий указывает, что максимум случаев самоубийств у мужчин приходится июнь месяц (13,4%) и минимум – на февраль (2,4%), а суицидальных попыток, соответственно, на январь (11,3%) и октябрь (6,0%). Иное соотношение помесечного пика/антипика видов суицидальной активности прослеживается у женщин: максимум случаев самоубийств в октябре (17,6%) при минимуме в мае – июне (0,0%) и максимум случаев суицидальных попыток в июне (9,9%) против минимума в октябре (6,5%).

Таким образом, пик суицидальной активности по кластеру «суицидальная попытка» среди 15-24-летних жителей г. Минска приходился на вечернее время суток (55,2% и 49,5% случаев среди мужчин и женщин соответственно) при максимуме попыток в 21⁰⁰-23⁵⁹ час. (29,9% и 26,5%), антипик – на утреннее (10,1% и 10,9%) при минимуме случаев в 6⁰⁰-8⁵⁹ (2,7% и 3,3%). Суточное распределение случаев суицидальных попыток не имеет гендерных различий ($P > 0,05$).

Суицидальные попытки чаще совершались в воскресенье (19,9% и 21,3% случаев среди мужчин и женщин соответственно) и значительно реже в пятницу (10,1% и 8,0% случаев), а самоубийства среди мужчин в понедельник, пятницу и воскресенье (по 15,9% случаев) в противовес их антипику в субботу (11,0%) и среди женщин в понедельник (23,5%) при анти-пике в остальные дни недели (по 11,8%), за исключением четверга и воскресенья. Распределение суицидальных действий по дням недели также не имело гендерных различий ($P > 0,05$).

Среди лиц мужского пола суицидальная готовность к незавершенным суицидальным действиям наиболее высока в зимний сезон года (28,3% случаев; антипик весной – 23,2%) и к завершенным – в летний (31,7%; антипики весна/осень – по 20,7%), а среди лиц женского – тенденциозно противоположна, соответственно, в летний (27,4%; антипик весной – 23,9%) и зимний (29,4%; антипики в другие сезоны – по 23,5%) периоды года. Особенность тенденции сезонного распределения частоты случаев суицидальных попыток и самоубийств ($P > 0,05$) характеризуется совпадением параболической динамики мужских парасуицидов и женских суицидов с одной стороны, а женских парасуицидов и мужских суицидов с другой.

Помесечное распределение случаев суицидальных действий, фабулируя особенности их сезонного распределения, являлось процессом многосложным и носило случайный характер с динамической криволинейной тенденцией по параболе 6-го порядка ($P > 0,05$), но без его абсолютизации, ибо выявлялись не случайные закономерности трендовой динамики помесечных вариаций суицидальной активности. Двух цикличность трендовой динамики регулировало процесс помесечного роста/снижения накопления гомогенных случаев суицидальных действий. А именно: в мужских когортах – 1-й цикл в декабре – мае с пиком накопления парасуицидов (максимум 11,3% случаев в январе) и накопительным антипиком суицидов (с 2,4% минимумом в феврале) и 2-й цикл в июне – ноябре с пиком накопления суицидов (максимум 13,4% случаев в июне) и накопительным антипиком парасуицидов (минимум 6,0% накопления в октябре); в женских когортах – 1-й цикл в сентябре – феврале при преобладающим росте накопления суицидов (17,6% максимума в октябре) в противофазности накоплению парасуицидов (6,5% минимума в октябре) и 2-й цикл в марте – августе с доминированием накопления случаев парасуицидов (9,9% максимальной помесечной доли) и антифазой процесса накопления суицидов (их не регистрация в мае – июне).

Выводы

1. Выявлены определенные темпоральные закономерности сфер действия незавершенных (парасуицида) и завершенных (суицида) суицидальных актов в молодежной среде современного мегаполиса.

2. С учетом темпоральных характеристик выделяются следующие относительные факторы максимального/минимального риска суицидальных действий:

- вечернее время суток (55,2% и 49,5% случаев самопокушений среди мужчин и женщин соответственно) и в особенности в 21⁰⁰-23⁵⁹ час. (29,9% и 26,5%) при антипике в утреннее – (соответственно полу, 10,1% и 10,9%) и в особенности в 6⁰⁰-8⁵⁹ (2,7% и 3,3%),
- день недели – воскресенье применительно к вероят-

ности совершения суицидальной попытки (19,9% и 21,3% случаев среди мужчин и женщин против антипика в 10,1% и 8,0% в пятницу) и понедельник применительно к вероятности совершения самоубийства (15,9% и 23,5% против 11,0% и 11,8% в субботу),

– зимний сезон года для мужчин применительно к вероятности совершения суицидальной попытки (28,3% против антипика в 23,2% случаев весной) и летний применительно к вероятности совершения самоубийства (31,7% против 20,7% весной и осенью),

– летний сезон года для женщин применительно к вероятности совершения суицидальной попытки (27,4% против антипика в 23,9% случаев весной) и зимний применительно к вероятности совершения самоубийства (29,4% против 23,5% в другие сезоны),

– среди мужчин максимум случаев самоубийств в июне (13,4%) и минимум в феврале (2,4%), а суицидальных попыток – в январе (11,3%) и октябре (6,0%) соответственно,

– среди женщин максимум случаев самоубийств в октябре (17,6%) и минимум в мае – июне (0,0%), а суицидальных попыток – в июне (9,9%) и в октябре (6,5%) соответственно.

Литература

1. Гилинский, Я., Румянцева, Г. Основные тенденции динамики самоубийств в России – <http://www.narcom.ru/ideas/socio/>

28.html#3. Дата считывания 28.06.2011 г.

2. *Диагностика суицидального поведения: Метод. рекомендации / сост. А. Г. Амбрумовой, В. А. Тихоненко; М-во здравоохранения РСФСР; Моск. НИИ психиатрии. М.: Б. и., 1980 (вып. дан. 1981). 48 с.*

3. *Дюркгейм, Э. Самоубийство: социолог. этюд / Э. Дюркгейм; пер. с фр.; Изд. под-гот. В. А. Луков. СПб.: Союз, 1998. 496 с.*

4. *Мягков, А. Ю. Темпоральные характеристики самоубийств / А. Ю. Мягков // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 83 – 92.*

5. *Пермякова, И. А. Клинические проявления психических нарушений и их психотерапевтическая коррекция у лиц, впервые совершивших суицидальную попытку: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.00.18; И. А. Пермякова / НИИ психического здоровья Томского научного центра СО РАМН. Томск, 1996. 24 с.*

6. *Сорокин, П. А. Самоубийство как общественное явление / П. А. Сорокин // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 104 – 114.*

7. *Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2008. Минск, 2008. 582 с.*

8. *Hassan, R. Temporal variations in suicide occurrence in Australia: A Research Note / R. Hassan // Australian and New Zealand Journal of Sociology 1994. Vol. 30, № 2. P. 194 – 202.*

9. *Maldonado, G. Variation in suicide occurrence by time of the day, day of the week, month and lunar phase / G. Maldonado, J. F. Kraus // Suicide and Life-Threatening Behavior. 1991. Vol. 21, № 2. P. 174 – 188.*

10. *WHO/EURO Multicenter Study on Parasuicide. Facts and figures / ed. U. Bille Brache. World Health Organization Regional Office for Europe, Copenhagen, 1999. 99 p.*

Поступила 12.08.2011 г.